

УДК 904:393(470.53)"0"

О. А. Казанцева

**ПОРЧА ВЕЩЕЙ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
НАСЕЛЕНИЯ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. Н.Э.**

(по материалам могильников бассейна р. Тулвы)

В статье рассматривается довольно редкая деталь погребального обряда населения Среднего Прикамья – порча инвентаря. Порча древних вещей, их символическое «умерщвление», судя по всему, совершалась намеренно, чтобы вещи впоследствии «оживали» в загробном мире и служили своим владельцам. Исследование проведено на основе анализа предметов из коллекций, происходящих из двух могильников: Красноярского I (I–V вв.) и Кудашевского I (III–V вв.), размещенных в Бардымском р-не Пермского края. Для изучения выбрано 7 вещей. Категории предметов разные: ножи, наконечник копья, гривна. Все они выполнены из металла, имеют следы преднамеренной порчи. Приведены аналогии данному элементу погребального обряда из других финно-угорских могильников I–V вв. Удмуртского Прикамья. В работе использованы этнографические сведения о похоронно-погребальной обрядности татар и башкир Бардымского р-на Пермского края, на территории которого расположены древние могильники, в определенной степени дополняющие картину древнего погребального обряда.

Результатом исследования явилось заключение о том, что при обряде порчи предметов существовали локальные особенности в представлении древних людей, какие вещи и как необходимо подвергать их порче. Одни предметы сгибали, а другие, наоборот, разгибали, но в обоих случаях «портили», лишая их рабочей функции. Расправленные гривны семантически связаны с культом змеи, распространенным в раннем железном веке Прикамья. Проявление обряда порчи связано с религиозными представлениями древнего финно-угорского населения о роли металлических предметов в погребальном обряде.

Ключевые слова: Среднее Прикамье, могильники, I–V вв., захоронения, погребальный обряд, металлические предметы, функции вещей, ритуальная порча предметов.

Изучение погребального обряда населения подразумевает не только выявление общих закономерностей процесса, но и установление некоторых особенностей. В рамках исследования погребального обряда населения сер. I тыс. н.э. по материалам двух могильников (Красноярского I – I–V вв. и Кудашевского I – III–V вв.), расположенных на территории современного Бардымского р-на Пермского края, рассмотрим одну из деталей погребального обряда: порчу предметов.

Под порчей древних предметов понимается намеренное причинение вреда в смысле лишения или ограничения функций вещей, их привычных возможностей. Вероятно, основой появления такого ритуала явилось общее религиозное представление о двух мирах-антиподах: реальный мир и мир иной, загробный; мир живых и мир мертвых. Испорченная (лишенная в настоящем мире функции) вещь в ином мире становится действующей, рабочей. Например, загнут конец железного ножа, так что пользоваться им нельзя, однако в ином мире он вновь будет острым и рабочим.

В отечественной историографии среди работ археологов отметим статью М. А. Бакушева, считавшего такую черту, как порча вещей, редкой и существующей лишь в небольшой отрезок албано-сарматского времени [Бакушев 2005, 42–50].

О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников, свое мнение высказывали ученые из Казахстана, считающие этот обряд отражением идеи придать таким предметам «потусторонние» качества, которые вытекали вследствие необходимости похоронить владельца [Бейсенов, Джумабекова 2017, 28–46]. Авторы интерпретируют использование котла (чаши) у кочевников как сакральное.

Для территории Прикамья отметим мнение А. Н. Лепихина и А. Ф. Мельничука (пермских ученых-археологов), которые, изучая материалы Гляденовского костыща, упоминали о культовых вещах со следами порчи (ножи, наконечники копий и стрел) [Гляденовское костыще... 1997; Гляденовское костыще... 1999].

В Тарасовском могильнике Удмуртского Прикамья в вещевых комплексах захоронений фиксируются многочисленные факты разогнутых металлических гривен. Отмечены в сборах с поверхности памятника случаи и «загнутых» железных предметов: ножа и наконечника копья [Голдина 2003, 718, табл. 716-6]. Сведения о разогнутых металлических гривнах указаны при описании погребального обряда Тарасовского могильника и в общей характеристике гривен [Голдина, Сабиров, Сабирова 2015, 30–31].

В публикации материалов Красноярского I могильника автором статьи отмечались единичные случаи порчи предметов в погребальном обряде населения [Казанцева 2012, 17].

Специальных исследований по изучению предметов с намеренной порчей в погребальном обряде древнего населения Среднего Прикамья в настоящее время нет, чем определяется актуальность их изучения.

Цель статьи – обозначить некоторые локальные отличия проявления обряда порчи вещей у древнего населения Среднего Прикамья.

Задача исследования – сравнить и проанализировать не только материал, но и погребальные конструкции, направление могилы по сторонам света, состав инвентаря в захоронении, его расположение в могиле и размещение погребений на территории памятника с предметами, имеющими намеренную порчу.

Основным **методом изучения** следов порчи вещей был визуальный осмотр. Для анализа были отобраны 7 предметов, у которых фиксировались признаки нарушения их морфологии, а значит и функции. Эти нарушения и были приняты как основной критерий выборки для исследования. Предметы погребального инвентаря неполной сохранности или с утратой какой-то детали у вещи (или какой-то части у предмета) для анализа соответственно не принимались.

В работе использовался метод планиграфического анализа, т.е. размещения могил с вещами, имеющими следы порчи на территории памятников.

Методика исследования включала отбор предметов с признаками порчи из вещевого комплекса памятников и их анализ в соотношении с элементами погребального обряда: устройство погребального места, наличие и состав вещей, ориентация могилы.

Отметим методические трудности для определения признаков порчи в случае с клинковым оружием: железными мечами. Сложность вызывало собственно определение, намеренно ли был сломан конец клинка изделия. Вопрос, был ли железный меч, например, в погр. 16 (Кудашевский I могильник), поврежден намеренно перед захоронением человека или был сломан в бою, остался открытым.

Некоторое затруднение в атрибуции порчи вещей вызвали такие предметы, как железные шилья, острие которых слегка выгнуто (вероятно, всё-таки кривизна образовалась в результате работы инструментом от физических усилий человека). Предметы из бронзы, например, браслеты, имеющие прямоугольное, тонкое по толщине сечение, могли деформироваться в процессе оседания грунта. Трудности установления причин порчи предметов в археологических коллекциях отмечали в определенной степени и другие исследователи. Так, в материалах культового памятника раннего железного века (Гляденовского костыща в Пермском крае) преднамеренные повреждения предметов зафиксированы, однако авторы публикации материалов объекта А. Н. Лепихин и А. Ф. Мельничук высказывают предположение, что «...у плоских железных наконечников... погнуто или обломано острие, а это могло произойти при стрельбе, в случае столкновения стрелы с каким-либо препятствием» [Гляденовское костыще... 1999, 45].

Характеристика выборки. Выявлены 7 предметов, выполненных из металла, имеющих следы преднамеренной порчи. Три предмета происходят из Красноярского I могильника (всего 144 погребения), четыре предмета – из Кудашевского I могильника (всего 352 погребения).

В материалах **Красноярского I могильника** (рис. 1–3-5) намеренная порча предметов отмечена в двух погребениях (пп. 84, 92), расположенных в поздней (IV–V вв.) части памятника. Обе могильные ямы ориентированы в западном направлении [Казанцева 2012, 57]. Ножи находятся в центре могил.

Металлические предметы в Красноярском I могильнике по форме представлены бытовыми железными ножами (рис. 1–3, 4, 5). Железные ножи (пп. 84, 92) имеют загнутые края лезвия (Казанцева 2012, 141, табл. 46-2; 145, табл. 50-6). Еще один обломок ножа с загнутым краем происходит из пахотного слоя [Казанцева 2012, 173, табл. 78-15].

Железный нож (погр. 84) входил в комплекс захоронения с обломком лепной керамики; погребальная конструкция представляла собой могильную яму прямоугольной формы с закругленными углами, прямым дном, отвесными стенками; внутри ямы отсутствуют какие-либо конструкции.

Нож (погр. 92) наряду с железным шилом входил в комплекс, среди вещей которого были два развала лепных глиняных сосудов. Сложно сказать, были сосуды разбиты намеренно или сломались под воздействием грунта в процессе хранения в земле. Разбитая глиняная посуда в погребениях уже рассматривалась

автором как часть ритуала [Kazantseva 1996, 455]. Интересно, что железный нож размещался в центре захоронения. Погребальная конструкция захоронения представляла собой могильную яму прямоугольной формы с закругленными углами, округлыми стенками и дном, внутри ямы отсутствуют какие-либо конструкции.

Кудашевский I могильник. Коллекция предметов из грунтовой части памятника по морфологии более разнообразна (рис. 1–1,2,6), чем в Красноярском I могильнике, и состоит из железного втульчатого наконечника копья, остриё лезвия которого загнуто (погр. 19); двух железных ножей (пп. 39, 244), конец лезвия которых выгнут; бронзовой деформированной гривны (погр. 62).

Вещи в погребениях располагались следующим образом: металлические ножи находились в центре могилы (пп. 39, 244), наконечник копья – в одной из половин погребения (погр. 19), а бронзовая гривна (погр. 62) найдена в углу могильной ямы.

В погр. 39 найден только железный нож (иных вещей в захоронении нет). В погр. 244 железный нож (рис. 1–1) размещался в центре погребения наряду с развалом лепного глиняного сосуда [Казанцева 2008, 150, рис. 138-2].

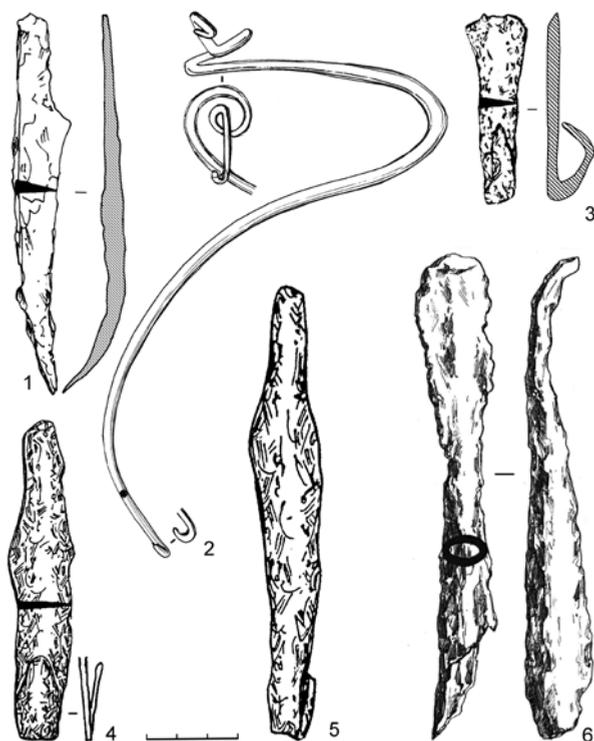

Рис. 1. Предметы с намеренной порчей:

- 1 – погр. 244, 2 – погр. 62, 6 – погр. 19 (Кудашевский I могильник),
3 – сбор с поверхности, 4 – погр. 92, 5 – погр. 84 (Красноярский I могильник);
1, 3–6 – железо, 2 – бронза*

* Автор благодарит Н. Ф. Шишкину, ведущего художника кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии УдГУ, за графическое изображение археологических предметов.

В погр. 19 железный наконечник копья с загнутым острием (рис. 1–6) был обнаружен наряду с железными предметами: ножом и фрагментом топора.

Интерес представляет также разогнутая и загнутая бронзовая гривна из погр. 62 [Казанцева 2018, 66–67, рис. 1–2]. В состав комплекса вещей входили стеклянный бисер голубого и желтого цвета, бронзовая пронизка-колокольчик. Возможно, этот набор предметов из берестяного контейнера (найлены остатки бересты), и гривну свернули, чтобы поместить ее внутрь.

Могилы, в которых расположены вещи с намеренной порчей, ориентированы в основном в направлении северо-восток – юго-запад (пп. 19, 39, 244) и одна – восток северо-восток – запад юго-запад (погр. 62).

Погребальные конструкции могил представляют собой грунтовые ямы прямоугольной формы с закругленными углами, отвесными стенками, плоским дном; и лишь в одном случае (погр. 62) форма прямоугольной ямы имела скошенный угол.

Погребения расположены в разных могильных рядах на территории северной, грунтовой части памятника, которая датируется III–V вв. н.э.

Результаты исследования

1. Случаи намеренной порчи предметов – сравнительно редкое явление для погребального обряда населения, оставившего могильники в I–V вв., взятые для исследования. В методическом плане существуют сложности выявления таких предметов: в каждом случае необходим тщательный визуальный, а, возможно, и специальный анализ таких вещей. Металлические предметы – железные ножи, отмечены в основном в центре могилы (4 случая). Вероятно, это следы ритуала, а не только порчи конкретного предмета. По технике намеренная порча охватывает нарушение морфологии и функции вещи.

2. Состав сопровождающего инвентаря в могилах. Обращает на себя внимание наличие керамики в могилах с предметами, намеренно испорченными. Фрагментарность керамики в могилах связана с проявлением традиций погребального обряда финно-угорского населения – разбивать посуду, чтобы в загробном мире она вновь стала целой. «Битье символически означает конец старой и начало новой жизни» [Чудова 1998, 16].

3. Дата вещевых комплексов в могилах с поврежденными вещами в обоих памятниках – III–V вв. н.э.

4. Категории металлических предметов, подверженных порче: железные ножи и наконечник копья, бронзовая гривна.

5. В погребальном комплексе вещей, сопровождающих умершего, предметы с намеренной порчей были универсальными (железные ножи); следовательно, могли принадлежать представителям обоих полов; в одном случае (погр. 62) – возможно, женщине, так как в могиле найден стеклянный бисер.

Аналогии обряду намеренной порчи вещей встречены на довольно обширных территориях (Кавказ, Прикамье), в том числе в археологических могильниках сер. I тыс. н.э.

В Пермском Прикамье предметы с порчей отмечены в материалах Гляденовского костыща. Это (вотивные вещи) предметы вооружения: металлические наконечники копий и стрел (обломаны лопасти или черешок), ножи с обломанным черешком и острием, долото с расплюснутым концом [Гляденовское ко-

стище... 1997, 29–31; Гляденовское костыще... 1999, 32–33, 35–39]. В каталоге находок были указаны также железные ножи, которые «...были погнуты в древности» [Гляденовское костыще... 1999, 31–32].

Отметим, что одним из проявлений обряда порчи вещей являются разогнутые гривны в материалах могильников Среднего Прикамья. В данном случае предметы лишены своей функции и в таком виде не могут располагаться на шее человека.

В 30 погребениях Тарасовского могильника в Удмуртском Прикамье фиксировались разогнутые металлические гривны [Голдина 2003, 104, табл. 102–1–12; она же 274, табл. 272–7,8; там же 298, табл. 296–17–11; там же 382, табл. 380–1; там же 453, табл. 451–23; там же 482, табл. 480–4; там же 485, табл. 483–8; там же 508, табл. 506–5; там же 514, табл. 512–5; там же 517, табл. 515–9; там же 518, табл. 516–2; там же 529, табл. 527–13; там же 530, табл. 528–13; там же 531, табл. 529–7; там же 532, табл. 530–12; там же 535, табл. 533–1; там же 543, табл. 541–1–5; там же 563, табл. 561–3; там же 603, табл. 601–10; там же 609, табл. 607–1; там же 680, табл. 678–3]. Одна бронзовая гривна с замком на концах, выполненная из дрота круглого в сечении, деформирована до овала [Голдина 2003, 227, табл. 227–1–39].

В погребениях Тарасовского могильника разогнутые гривны располагались вдоль тела умершего, одинаково часто и слева, и справа. Половозрастная характеристика умерших такова: женщины, возраст от 16 до 30 лет (11 случаев), мужчины 18–20 лет, 40–50 лет (2 случая), не определены (7 случаев). Чаще всего разогнуты бронзовые гривны из круглого дрота, редко – железные гривны – погр. 1443 [Голдина 2003, 549, табл. 558–24] и в погр. 1349 [там же 2003, 522, табл. 520–1]. В обеих могилах разогнутые гривны размещались в захоронениях девочек, возраст которых определен в пределах 7–14 лет.

Разогнутые гривны как признак обряда «умерщвления вещей», встречаются у сарматского и албано-сарматского населения в Дагестане [Бакушев, 2005, 42–50].

Интересно, что разогнутые бронзовые гривны встречены не только в самих погребениях, но и в жертвенных комплексах Тарасовского могильника. Например, в погр. 1428 [Голдина 2003, 563, табл. 541–1–5], в погр. 1489 [там же 2003, 563, табл. 561–3], погр. 1491 [там же, 564, табл. 562–2]. Возраст и пол умерших с расплавленными гривнами в погребениях с жертвенными комплексами определен лишь в погр. 1489 – женщина (?), 18–20 лет. В погребении 1490 развернутая гривна, состоящая из двух перекрученных дротов (датируется V в. н.э.), найдена не в жертвенном комплексе, хотя такой комплекс в погребении есть [Голдина 2003, 563, табл. 562–3].

Можно предположить, что случаи нахождения в жертвенных комплексах предметов с порчей – это результат эволюции в представлениях населения о том, какие вещи потребуются в ином мире; и, конечно, их состав мог меняться, например, под влиянием контактов с пришлым населением и с появлением других предметов в материальной культуре.

Кроме того, в погр. 653 обнаружены сразу три разогнутых предмета: бронзовый браслет и две гривны [Голдина 2003, 274, табл. 272–6–8]. Могилы с разогнутыми гривнами в Тарасовском могильнике сосредоточены в ранней (I–II вв. н.э.) части памятника [Голдина, Сабиров, Сабирова 2015, 225].

Логично предположить, что ритуал порчи вещей, изменение их морфологии, подразумевал изменение их свойств. Развернутые вдоль тела умершего

гривны, напоминающие извивающихся змей из погр. 1119, 1308, 1323, 1640 Тарасовского могильника, вероятно, связаны с функцией охраны дома (погребения как личного пространства человека в ином мире) и отражают вечность жизни.

В материалах Гляденовского костыща (Пермский край) встречено 56 находок – реалистических изображений змей в металле [Коренюк 2006, 41]. Разогнута в прут и затем свернута, как змея, и бронзовая гривна из погр. 62 (рис. 1–2) Кудашевского I могильника [Казанцева 2018, 41]. Образ змеи у народов финно-угорского мира связан с представлениями о мудрости, двойственной душе человека еще с ананьинского времени (VIII в. до н.э.). «После смерти она (душа человека. – О. К.) уходит в нижний мир, где были души его предков, при этом принимает образ змеи, паука и т.д.» [Коренюк, 2006, 42–43].

Еще один смысловой аналог погребального обряда с намеренной порчей инвентаря – это кожаные пояса с бронзовыми накладками в памятниках мазунинской археологической культуры; в могиле они располагаются в расправленном виде: вдоль тела умершего (не так, как их носили при жизни). В поздних мазунинских захоронениях количество поясов достигает 42,8–61,6 % [Останина 1997, 28]. В Югомашевском могильнике мазунинской археологической культуры, среди комплекса вещей V в., в погр. 10 встречена гривна со следами деформации формы, имеющая квадратное сечение дрота, что тоже является частным случаем проявления ритуала порчи [Останина 1997, 281, рис. 35–4].

В материалах Тарасовского могильника чегандинской археологической культуры развернутые пояса, расположенные вдоль тела умершего, встречены также в поздней (III–V вв.) части памятника [Голдина, Сабиров, Сабирова 2015, 62–63]. В данном обряде – сам предмет не нарушался (не происходило изменение его морфологии) – изменялось лишь его месторасположение в могиле умершего, в отличие от традиционного места в составе костюма при жизни человека. Возможно, вытянутый вдоль тела пояс символизировал собой своеобразную дорогу в иной мир.

Выводы

Столь широкие аналогии предметам с намеренной порчей позволяют говорить не столько о популярности ритуала в древности, сколько о разных представлениях древнего населения о предметной сфере и свойствах вещей.

Вероятно, смысл этого древнего ритуала – не столько в смерти вещи, в ее безвозвратном разрушении, сколько в лишении ее обычной функции и в преобразовании её свойств для иного мира как обновление её предназначения для другой жизни.

Наличие в погребальном обряде древнего населения в Пермском Прикамье вещей с намеренной порчей, фиксируемое в погребениях Красноярского I и Кудашевского I могильников в III–V вв., – это очевидная преемственность погребальной обрядности населения гляденовской культуры. На Гляденовском костыще найдено огромное количество предметов с ритуальной порчей, соответствующей сакральному характеру памятника.

Ритуал проведения обряда порчи, возможно, имел свои устойчивые правила: надо было сломать или повредить (согнуть и разогнуть) вещь. При этом виды повреждений для железных ножей и наконечников копий, в основном, поперечные, для бронзовых гривен – распрямление или деформация круглой формы.

Важно подчеркнуть, что на территории Среднего Прикамья у древних людей существовали свои представления о том, какие именно предметы должны (или могут) быть лишены своей рабочей функции; и если на Кавказе аналогичные нарушения вещей отмечены у двух категорий предметов (отверстия в глиняных сосудах, загнуты острия железных наконечников копий), то в Пермском Прикамье это не только бытовые предметы (лепные глиняные сосуды разбиты) и оружие (железные наконечники копий загнуты), но и украшения костюма (бронзовые гривны).

Металлические предметы выполняли важную роль в похоронной обрядности в XIX–XX вв. у башкирского и татарского населения Бардымского р-на Пермского края, на территории которого располагаются древние могильники. Например, существовала практика располагать металлические предметы на животе умершего, потому что «...железо защищает покойного от шайтана» [Тулвинские башкиры и татары... 2004, 171, 174], «Железо считалось универсальным средством против шайтана» [Бардымский район: прошлое и настоящее, 2009, 304].

Для позднеудмуртских могильников Прикамья XVI – пер. пол. XIX в. обряд умерщвления предметов составляет 14,2 % захоронений с инвентарем [Шутова 1992, 71]. Чаще всего нарушены такие предметы, как металлические ножи.

Изучение обряда порчи вещей, несомненно, вносит определенный смысл в наши представления о роли, которую отводили древние люди предметам материальной культуры в целом.

Так, возможно, нежелание людей расставаться с вещами при переходе в загробную (иную) жизнь, компенсировалось наделянием их другими (магическими) свойствами, позволявшими им оставаться у хозяина. Судя по всему, особое значение в обряде порчи древнее финно-угорское население Прикамья придавали идее противоположности, превращения предметов: железные ножи – согнуть, а металлические гривны – разогнуть (придать иную форму), реже – разогнуть и согнуть иначе.

Безусловно, намеренная порча вещей – это элемент сложной системы религиозных представлений древнего населения, и роль такого ритуала обусловлена комплексом погребальной обрядности, которую мы можем только реконструировать. Можно, однако, констатировать, что ритуал преобразования вещей семантически связан с понятием перехода от одной жизни (настоящей) – к другой (загробной). Возможно, в представлении древних такой обряд воспринимался как магический способ перехода.

Перспектива исследования состоит в дальнейшем изучении погребального обряда населения Прикамья в I–V вв. и анализе предметов «нестандартного» вида.

СОКРАЩЕНИЯ

ИИКНП УдГУ – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ЛИТЕРАТУРА

Бакушев М. А. Обряд порчи инвентаря в погребальных памятниках Дагестана албано-сарматского времени // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2005. № 3. С. 42–50.

- Бардымский район: от прошлого к настоящему. СПб.: Маматов, 2009. 480 с.
- Бейсенов А. З., Джумабекова Г. С. О древнем ритуале порчи предметов, используемых в обряде погребения кочевников // Поволжская археология. 2017. № 2 (20). С. 28–46.
- Гляденовское костеище. Из собрания Пермского областного краеведческого музея: каталог. Пермь, 1997. 64 с.
- Гляденовское костеище. Материалы раскопок 1995–1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея: каталог. Пермь, 1999. 58 с.
- Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. 721 с.
- Голдина Р. Д., Сабиров Т. Р., Сабирова Т. М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29). Казань. Ижевск, 2015. Т. III. 297 с.
- Казанцева О. А. Отчет о работах на Кудашевском могильнике в Бардымском районе Пермского края в 2007 году. Архив ИИКНП УдГУ. Ижевск, 2008. Ф. 2. Д. 488. 151 с.
- Казанцева О. А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Ижевск, 2012. 180 с.
- Казанцева О. А. Гривны населения бассейна р. Тулвы в I–V веках (по материалам погребальных памятников) // Вестник Пермского ун-та. Сер. «История». 2018. № 1 (40). С. 62–70.
- Коренюк С. Н. Образ змеи в искусстве и идеологии населения Прикамья в железном веке // Оборинские чтения. Материалы V–VI региональных археологических конференций (19 мая 2004 г., 24 мая 2005 г.). Вып. 4. Пермь, 2006. С. 41–47.
- Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
- Тулвинские татары и башкиры: Этнографические очерки и текст / Институт истории и археологии УрО РАН, Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2004. 456 с.
- Чудова Т. И. Глиняная посуда коми (зырян) во второй половине XIX – первой половине XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1998. 18 с.
- Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: Институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. 264 с.
- Kazantseva O. A. On the history of ritual ceramics of the middle Kama River (materials from the early middle ages, 3rd – 5th centuries A.D.) // Historia Fenno-ugrica (17–21 August, 2015). Oulu: Societas historiae Fenno-Ugricae Publ., 1996. Vol. I:1. Pp. 455–463.
- Koreniuk M. S. The Images of Reptiles on the Items Found at the Glyadenovsky Bone Bed // Journal of Siberian Federal University. Ser. «Humanities & Social Sciences». 2015. № 4. Pp. 585–592.

Поступила в редакцию 30.05.2018

Казанцева Ольга Алексеевна,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
e-mail: kazantsevaolga@yandex.ru

O. A. Kazantseva

Spoilage of Things in the Funeral Rite of the Population of the Middle of the 1st Millennium A.D. (Based on the Materials of the Burial Grounds of the Tulva River Basin)

The article deals with a rare detail of the funeral rite of the Middle Kama region population – damage to the equipment. Apparently, the damage to objects was done to make things «alive» in the afterlife and serve their owners. The study is based on the analysis of objects from two burial grounds of the Middle Kama region: Krasnoyarskiy I (I–V centuries) and Kudashevskiy I (III–V centuries), located in the Bardymskiy district of the Perm region. There are seven artefacts chosen for analysis: knives, a spear tip, a torc. All of them are made of metal and have traces of deliberate damage. The research gives analogies between this element of the funeral rite and similar phenomena from other Finno-Ugric burial grounds of the 1st – 5th centuries of the territory around the Kama region in Udmurtia. The paper also contains ethnographic information about the funeral rites of the Tatars and Bashkirs of the Bardymskiy district of the Perm region, where the ancient burial grounds are located.

The research makes it possible to conclude that the rituals of damaging objects may have local characteristics in terms of choosing objects for spoilage and methods of damaging them. Some objects were bent, whereas other artefacts were straightened, but in both cases they were ‘spoiled’ and made devoid of their working functions. Straightened torcs were semantically associated with the cult of the snake, common in the Early Iron Age of the Kama region. The manifestation of the rite is associated with the religious beliefs of the population of ancient society about the role of metal items in the funeral rite.

Keywords: Middle Kama region, burial grounds, 1st – 5th centuries A.D., graves, funeral rite, metal objects, the function of objects, rite of spoiling objects.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 3, pp. 108–118. In Russian.

REFERENCES

Bakushev M. A. Obrjad porchi inventarja v pogrebal'nyh pamjatnikah Dagestana albanosarmatskogo vremeni [The ritual of the damage to the inventory in the burial monuments of Dagestan in Alban-Sarmatian period]. *Vestnik instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Bulletin of the Institute of history, archaeology and ethnography], 2005, no 3, pp. 42–50. In Russian.

Bardymskiy rajon: ot proshlogo k nastojashemu [Bardymski district: from the past to the present]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2009. 480 p. In Russian.

Bejsenov A. Z., Dzhumabekova G. S. O drevnem rituale porchi predmetov, ispol'zuemyh v obrjade pogrebenija kochevnikov [About an ancient objects spoilage ritual used in nomadic burial rite]. *Povolzhskaja arkheologija* [Archaeology of the Volga region], 2017, no 2 (20), pp. 28–46. In Russian.

Gljadenovskoe kostishhe. Iz sobraniya Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeija: katalog [The Glyadenovsky Bone Bed. From the Perm regional Museum collection: catalogue]. Perm, 1997. 64 p. In Russian.

Gljadenovskoe kostishhe. Materialy raskopok 1995–1997 gg. iz sobranija Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeija: katalog [The Glyadenovsky Bone Bed. From the Perm regional Museum collection: catalogue]. Perm, 1999. 58 p. In Russian.

Goldina R. D. *Tarasovskij mogil'nik I–V vv. na Srednej Kame* [The Tarasovsky burial ground of the 1st – 5th centuries A.D. in the Middle Kama]. Izhevsk, 2003. 721 p. In Russian.

Goldina R. D., Sabirov T. R., Sabirova T. M. *Pogrebal'nyj obrjad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednej Kame (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vjatskoj arheo-*

logicheskoy ekspedicii. T. 29) [The burial rite of Tarasovsky burial ground of the 1st – 5th centuries A.D. on the Middle Kama (Materials and investigation of the Kama-Vyatka archaeological expedition. Vol. 29)]. Kazan, Izhevsk, 2015, vol. III. 297 p. In Russian.

Kazantseva O. A. *Otchet o rabotah na Kudashevskom mogil'nike v Bardymskom rajone Permskogo kraja v 2007 godu* [Report on the exploration in the Bardymski district of the Perm Area in 2007]. Archive of the Udmurt State University. Izhevsk, 2008. In Russian.

Kazantseva O. A. *Krasnojarskij mogil'nik 1st–V vv. n.je. v bassejne r. Tulvy Srednego Prikam'ja* [The Krasnoyarsky cemetery of the 1st–5th centuries A.D. in the Tulva river basin in the Middle Kama]. Izhevsk, 2012. 180 p. In Russian.

Kazantseva O. A. Grivny naselenija bassejna r. Tulvy I–V vekah (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov) [Torcs of the Tulva basin population in 1st – 5th centuries (based on the materials of burial grounds)]. *Vestnik Permskogo un-ta. Serija «Istorija»* [Bulletin of Perm State University. «History» series]. Vol. 1 (24), pp. 62–70. In Russian.

Korenjuk S. N. *Obraz zmei v iskusstve i ideologii naselenija Prikam'ija v zheleznom veke* [The Image of Snakes in Art and Ideology of the Kama Region Peoples in the Early Iron Age]. *Oborinskie chtenija. Materialy V–VI regional'nyh arheologicheskikh konferencij (19 maja 2004 g., 24 maja 2005 g.)*. [Oborinov readings. Materials of the 5th – 6th Regional Archaeological Conferences (May 19, 2004 and May 24, 2005)]. Perm, 2006, Issue 4, pp. 41–47. In Russian.

Ostanina T. I. *Naselenie Srednego Prikam'ja v III–V vv.* [The population of the Middle Kama area in III–V centuries]. Izhevsk, Institute of history, language and culture of Ural branch of RAS, 1997. 327 p. In Russian.

Tulvinskie tatary i bahkiry: Etnograficheskie ocherki i tekst [The Tatars and Bashkirs of Tulva region: ethnographic essays and texts]. Perm, Institute of History and Archeology of Ural branch RAS, Perm State University, 2004. 456 p. In Russian.

Chudova T. I. *Glinjanaja posuda komi (zurjan) vo vtoroj polovine XIX – pervoj polovine XX vv.: Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Pottery of Komi (Zyryan) in the second half of the 19th – the first half of 20th centuries: Extended abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Syktyvkar, 1998. 18 p. In Russian.

Shutova N. I. *Udmurty XVI – pervoj poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov* [Udmurts of the 16th – the first part of the 19th centuries: on burial grounds materials]. Izhevsk: Institute of history, language and literature Ural RAS, 1992. 264 p. In Russian.

Kazantseva O. A. On the history of ritual ceramics of the middle Kama River (materials from the early middle ages, 3-rd – 5-th centuries A.D.). *Historia Fenno-ugrica (17–21 August, 2015)*. Oulu: Societas historiae Fenno-Ugricae Publ., 1996. Vol. I:1, pp. 455–463. In English.

Korenjuk M. S. *Izobrazhenija presmykajushhihsja v materialah Gljadenovskogo kostisha* [The Images of Reptiles on the Items Found at the Glyadenovsky Bone Bed]. *Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki»* [Journal of Siberian Federal University. Seria «Humanities & Social Sciences»], 2015, no 4, pp. 585–592. In English.

Received 30.05.2018

Kazantseva Olga Alekseevna,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Udmurt State University
1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation
e-mail: kazantsevaolga@yandex.ru